

ПАМЯТНЫЕ ДАТЫ

УДК 82-1/-9

ББК 80-84 Ш

Ольга АНЦЫФЕРОВА

ГЕНРИ ДЖЕЙМС: СОТВОРЕНИЕ БИОГРАФИИ

Аннотация: В статье исследуется освоение литературоведением биографии Генри Джеймса (1843—1916). Особая привлекательность его малособытийной жизни для биографов связывается с тремя факторами: 1) неоднозначное отношение Джеймса к жанру писательского жизнеописания; 2) парадоксальное сочетание установки на сокровенность внутренней жизни писателя с обширностью эпистолярного наследия; 3) автомиф, созданный писателем. Анализируются вклад отдельных ученых — Л. Эделя, Ф. Каплана, Ш. Новика, Л. Гордон и др. В качестве предпосылок появления в «нулевых» многочисленных биографических романов о Генри Джеймсе (Д. Лодж, К. Тойбин и др.) рассматривается автомиф, созданный писателем, и коррелирующие с ним беллетристические элементы научных биографий. Фикционализация жизни Джеймса в научных биографиях обнаруживает себя в зависимости нарративных стратегий биографа от авторского идиолекта Джеймса, в опоре на наиболее драматические моменты его жизни, в выдвигании на первый план этически неоднозначных эпизодов. Ревизионистские тенденции последних десятилетий заявляют о себе в проблематизации сексуальной ориентации писателя и попытках дезавуировать миф об одиноком художнике, творящем с опорой лишь на самого себя. Основные черты современного этапа видятся в появлении травестийных текстов (Ричард Либман-Смит) и демифологизации самой истории сотворения биографии Генри Джеймса (Майкл Анеско). Магистральный вектор современной ситуации в джеймсоведении (в противовес преобладающей тенденции к фикционализации материала в «нулевых») характеризуется как разнонаправленный и разножанровый процесс деконструкции мифов.

Ключевые слова: Генри Джеймс, жизнеописание, (авто)биографии, биографические романы, публичное/ приватное, фикционализация, мифотворчество, деконструкция мифов.

© 2016 Ольга Юрьевна Анцыферова (Естественно-гуманитарный университет г. Седльце, Польша; профессор, доктор филол. наук) olga_antsyf@mail.ru

MEMORABLE DATE

UDC 82-1/-9

ББК 83.3 (70)

Olga ANTSYFEROVA

HENRY JAMES:
CREATING THE BIOGRAPHY

Abstract. The paper focuses upon the history of Henry James's life-writing. Three main reasons for Henry James's high priority for biographers are proposed: (1) James's ambivalent attitude to the craft and ethics of literary biography; (2) paradoxical combination of James's extreme privacy with huge epistolary legacy; (3) intriguing scenario of his postmortem popularity, determined by a specific way of self-fictionalizing. The contribution of such scholars as Leon Edel, Frank Kaplan, Sheldon Novick, Lyndall Gordon et al. is analyzed. Proliferation of biofictions about Henry James in 2000s (David Lodge, Colm Toibin, et al) is viewed as a result of James's conscious automyth-making, which correlates with fictional elements in academic biographies of James. Fictionalizing of James's life in academic biographies manifests itself in miming James's idiolect, emphasizing the most dramatic events of his life, in accentuating ethically ambiguous episodes. Recent rethinking of James (self)image is based on blurring his sexual identification and on disavowing of the myth of a totally self-sufficient artist. The current situation in James's life-writing may be characterized by travesty impulse (Richard Liebmann-Smith) and deconstruction of the academic myth-making mechanisms working in the very process of James's biography-writing (Michael Anesco). The complicated and multidirectional (often reversive) process of myth-making and myth-destruction seems to be symptomatic of the current situation with Henry James life-writing. And that obviously sets it apart from an earlier state of matters (1990–2000s) when fictionalizing determined the main vector of the process.

Key words. Henry James, life writing, (auto)biographies, biofictions, public/private, fictionalization, mythmaking, demythologizing.

© 2016 Olga Yu. Antsyferova (Siedlce University of Natural Sciences and Humanities, Siedlce, Poland; Professor, Dr. Hab in Philology) olga_antsyf@mail.ru

Пожалуй, Генри Джеймс (1843–1916) как никто другой воплощает идею тождества жизни и творчества, и потому любое его жизнеописание в первую очередь становится историей его литературных экспериментов и поисков. И искусство, и жизнь были для него объектом творческого созидания и сознательного конструирования. Столетняя годовщина смерти американского классика, отмечаемая в 2016 г., стала еще одной вехой в осмыслении его наследия. При этом ныне на первый план выдвигаются не интерпретация его текстов, и даже не контексты, закономерно привлечшие в последнее время внимание исследователей¹, но биографические обстоятельства, что побуждает к углубленному исследованию жизненного пути Джеймса и новым попыткам истолковать его как важнейший субстрат художественных исканий. Данная статья ставит своей целью проанализировать причины нынешнего биографического бума в джеймсоведении и обозначить основные тенденции в истории его жизнеописаний.

Биография писателя как жанр всегда вызывала устойчивый читательский интерес, так или иначе затрагивая вечные проблемы соотношения искусства и жизни, личностного и внеличностного в искусстве, побуждая к размышлениям о природе творческого дара и роли биографических обстоятельств в его реализации, о допустимой мере проникновения в частную жизнь художника. Очевидно, что этот комплекс проблем в каждый период времени рассматривался в соответствии с преобладающими мировоззренческими, социокультурными, эстетическими и этическими тенденциями. Оформление писательской биографии как жанра можно связать с именем родоначальника биографического метода в литературоведении Ш.-О. Сент-Бёва, который представлял собой, по формулировке Г.К. Косикова, своеобразный синтез восходящего к романтизму принципа субъектности и историчности культурного процесса с просветительским учением о неизменной «человеческой природе»². В последние десятилетия писательская биография оказалась поразительно востребована. Это связано, прежде всего, с постмодернистским полемическим переосмыслением всех вопросов, о которых призван размышлять любой посягнувший на жанр писательского жизнеописания. Количество книг о писателях нарастает с каждым годом, количество исследований о писательских биографиях тоже неумолимо ширится³.

1. Например: *Henry James in Context*. Ed. by D. McWhirter. Cambridge: Cambridge UP, 2010.

2. См.: *Косиков Г.К.* Зарубежное литературоведение и теоретические проблемы науки о литературе // Зарубежная эстетика и теория литературы XIX–XX вв. Трактаты, статьи, эссе / Сост., общ. ред. Г. К. Косикова. М.: Изд-во Московского ун-та, 1987. С. 11.

3. См. напр.: *Холиков А. А.* Биография писателя как жанр. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009.

Англоязычное культурное пространство в этом плане не исключение. Уместно будет вспомнить, что именно британскому биографу Литтону Стрейчи принадлежит парадоксальный афоризм: «Мы не часто отдаем себе отчет в том, что создать хорошее жизнеописание так же сложно, как прожить хорошую жизнь»⁴.

Английский писатель Дэвид Лодж, внесший значимый вклад и в теорию, и в практику писательских жизнеописаний, констатировал в 2006 г.: «Биографический роман — это роман, герой которого является реальной личностью, а предметом художественного исследования становится история его жизни. В этом жанре с помощью романной техники воспроизводится субъективная сторона существования, и этим он отличается от объективного, основанного исключительно на биографических фактах. За последнее десятилетие биографический роман стал чрезвычайно моден, особенно та его разновидность, где речь идет о писателях». Внезапно возросшую популярность биографических романов Лодж предлагает рассматривать как «симптом упадка веры в силу чисто беллетристического повествования, что обуславливается социокультурной ситуацией, когда нас постоянно бомбардируют фактами в виде новостей». Второе возможное объяснение — в «типичном для постмодернизма стремлении включать искусство предшествующих эпох в свои собственные практики посредством реинтерпретации или пастиша. Данное явление можно рассматривать и как симптом упадка (декаданса), и следствие истощенности современной культуры — или же как позитивный и изобретательный способ преодоления «страха влияния» [по Х. Блуму]»⁵.

В мощном потоке писательских жизнеописаний, о котором пишет Лодж, внимание к имени Генри Джеймса особенно интенсивно. Начало двухтысячных было отмечено необычайным подъёмом интереса к его жизни и творчеству. В 2002 г. вышел роман Эммы Теннант «Особое тяжкое преступление: частная история “Писем Асперна”»⁶, где рассказывается о создании знаменитой повести Генри Джеймса на фоне его взаимоотношений с американской писательницей Констанс Фенимор Вулсон. По оценке Дэвида Лоджа, это первое беллетристическое произведение, героем которого стал Генри Джеймс (если не считать новеллы «Леди Тэл» (Lady Tal, 1892) Вернон Ли, в которой Джеймс стал

4. Цит. по: Edell L. „The Art of Biography №1. Interviewed by Jeanne McCullough“. *The Paris Review*. 1985. Winter. № 98. Online at <http://www.theparisreview.org/interviews/2844/the-art-of-biography-no-1-leon-edell>

5. Lodge D. „The Author’s Curse“. *The Guardian*. 2006. May 20. Online at <http://www.guardian.co.uk/books/2006/may/20/featuresreviews.guardianreview2>

6. Tennant E. *Felony: The Private History of The Aspern Papers*. L.: Jonathan Cape, 2002.

прототипом малосимпатичного персонажа по имени Жервэз Марион)⁷ В 2004 г. увидели свет сразу два биографических романа о Джеймсе: «Автора!» Дэвида Лоджа⁸ и «Мастер» Кольма Тойбина⁹. В том же 2004 г. был опубликован роман Алана Холлингхерста «Линия красоты»¹⁰, действие которого разворачивается в Англии 1980-х и главный герой которого — гей, работающий над диссертацией по творчеству Генри Джеймса¹¹.

В 2005 году вышел еще один роман о Джеймсе южноафриканского писателя Михеля Хейнса «Рассказ машинистки»¹², написанный от лица секретарши Генри Джеймса и затрагивающий историю взаимоотношений двух близких друзей Джеймса — писательницы Эдит Уортон и журналиста Мортона Фуллертонa. Тематически примыкает к вышеперечисленным книгам и увидевший свет в 2008 г. пастиш Ричарда Либмана-Смита «Ребята Джеймс: Новый рассказ о четырех отчаянных братьях»¹³.

Даже на фоне бесспорного расцвета романизированных писательских жизнеописаний, такое настойчивое обращение к биографии Генри Джеймса представляет особый интерес. Дело, конечно не в какой-то особой событийной насыщенности жизни писателя, который, как известно, целиком и полностью посвятил свое существование творчеству и чей век был, в целом, был лишен ярких перипетий и коллизий. Дело, в первую очередь, в неоднозначном отношении писателя к ремеслу литературных биографов. С одной стороны, он сам пробовал силы в создании литературной биографии. Достаточно вспомнить книгу «Натаниэль Готорн», написанную для серии «Английские писатели» в 1879 году. Перу Джеймса также принадлежит биография американского скульптора «Вильям Ветмор Стори и его друзья» (*William Wetmore Story and His Friends*, 1903), где значительное внимание уделяется его друзьям-литераторам — Роберту и Элизабет Браунингам и Джеймсу Расселу Лоуэллу.

С другой стороны, ещё в 1872 году, рецензируя в журнале «Nation» издание дневников того же Готорна, Джеймс с горькой иронией писал о необходимых границах биографических исследований, словно

7. Lodge D. *The Year of Henry James: The Story of a Novel*. L.: Penguin Books, 2006, p.4.

8. Lodge D. *Author, Author*. L.: Penguin Books, 2004.

9. Toibin C. *The Master*. L.: Picador, 2004.

10. Hollinghurst A. *The Line of Beauty*. L.: Picador, 2004.

11. См. подробнее: Анцыферова О.Ю. Новый эстетизм: странные отзвучья fin-de-siècle // Вопросы литературы. 2007. № 5. С. 73–90.

12. Heyns M. *The Typewriter's Tale: A Novel*. Jeppestown: Jonathan Ball Publishers, 2005.

13. Liebmann-Smith R. *The James Boys: A Novel Account of Four Desperate Brothers*. N.Y.: Random House, 2008.

предвосхищая извивы собственной посмертной славы: «Извлечение из небытия фактов частной жизни художника, столь скрытного и всю жизнь стремившегося к уединению, со всей остротой ставит общую проблему некоего предела, который должно поставить любопытству биографов по отношению к покорно-беззащитному художнику, чье наследие рассеяно по папкам и ящикам письменного стола. И становится совершенно ясно, что какими бы ни были границы, приличествующие этому любопытству, на самом деле его не может уменьшить ничто, кроме полной исчерпанности материала. Это любопытство во многом заслуживает уважения и замечательно служит искусству, но в такой же степени может бесстыдно покушаться на завет художника четко обозначить границы его собственной популярности. Речь, собственно, идет о неразрешимом противоречии между этим инстинктом самосохранения и всеобщим желанием выжать сок до последней капли. Со временем художники, несомненно, забьют тревогу, опустошат ящики своих письменных столов и поставят преграды на подступах к собственной частной жизни. Критики, психологи и сплетники будут тогда обречены собирать одинокие колоски на выкошенной стерне»¹⁴. Надо ли говорить, что эти размышления 1870-х о границах между сокровенным и публичным, о неуёмном любопытстве биографов и их стремлении раздобыть все новые, сенсационные факты предвосхищают остро актуальные ныне проблемы современной литературной жизни и — шире — медиасферы?

Неприязнь Джеймса к деятельности литературных биографов нашла, пожалуй, самое яркое художественное воплощение в его знаменитой повести «Письма Асперна» (1888). Часто вспоминают в связи с этим и его не менее знаменитое высказывание из письма 1910 года, адресованного племяннику: «Мое единственное желание — как можно более жестко помешать моему посмертному исследователю [...] Я давно уже подумываю о том, чтобы одним из пунктов моего завещания сделать проклятие тому, кто посмеет тронуть мои останки проклятие столь же категоричное, как известная надпись на надгробии Шекспира»¹⁵.

Вторая причина, обуславливающая особый интерес биографов к Джеймсу, — это несколько парадоксальное сочетание его стремления к неприкосновенности частной жизни и обширного эпистолярного наследия, оставшегося после него. Джеймс педантично уничтожил все

14. James H. Rev. „Passages from the French and Italian Note-Books of Nathaniel Hawthorne (1872)“. In James H. *Literary Criticism. Essays on Literature. American Writers. English Writers.* Library of America Series. N.Y.: Literary Classics of the United States Inc., 1984, p. 307.

15. *Henry James: Letters.* Ed. L. Edel. In 4 vols. Cambridge, MA-L.: Harvard UP; Belknap Press, 1984. V. 4, p. 806.

полученные им письма. Но он ничего не мог сделать с собственными бумагами, оставшимися у адресатов... Именно письма Джеймса (наряду с художественными произведениями) и стали основой для нескольких научных биографий писателя, которые оказались мощным подспорьем идущим следом беллетристам.

Первой капитальная биография Джеймса — пятитомный труд Леона Эделя (1953—1972 гг.), создававшийся в течение двадцати лет. Последние тома были удостоены Пулитцеровской премии и Национальной книжной премии (National Book Award). Благодаря этой биографии, долгое время считавшейся каноническим жизнеописанием Джеймса, а также двум сотням других публикаций об американском авторе, Л. Эдель вплоть до своей смерти в 1997 г. оставался самой влиятельной фигурой в джеймсоведении. Подобное исключительное положение, безусловно, упрочивалось еще и тем, что именно Л. Эделю, по договоренности с наследниками, принадлежало исключительное право работы в архивах Генри Джеймса и публикации архивных материалов. Бесспорный авторитет эделевской биографии и ее долгое время не подвергавшийся сомнению статус по-своему коррелируют с безусловным доминированием в академической жизни США в это же время литературоведческого дискурса «новой критики». Этому же периоду биография обязана и опорой на идеи З. Фрейда. Выдвинувший понятие «литературной психологии», Эдель поясняет его суть в отчетливо фрейдистских терминах.

Сам ученый говорил, что любая биография начинается с влюбленности¹⁶ и признавался, что его интерес к Джеймсу начался не столько с чтения его романов, сколько со знакомства с его архивными документами. Тысячи писем, сохранившихся в семейном архиве, открывали новые и неожиданные стороны Джеймса, поэтому Эдель довольно быстро понял, что ему придется отказаться от обычного хронологического жизнеописания: «По мере того, как я наталкивался на все новые и новые сюрпризы, я создавал некое новое текучее ахронологическое фрагментированное повествование [...] У меня получалось нечто вроде сериала, и его сюжет местами был весьма напряженным...».

Наряду с трагическим опытом Джеймса в театре (провал пьесы «Ги Домвиль» в 1895 г.), Эдель первым обнаружил еще один момент биографии, богатый потенциальными беллетристическими возможностями, психологически неоднозначный эпизод: отношения Джеймса с внучкой Фенимора Купера Констанс Фенимор Вулсон. В этих отно-

16. Edel L. *The Art of Biography* №1.

шениях Эдель увидел нежную привязанность старой девы к старому холостяку, более всего дорожащему своей свободой.

Первый биограф Г. Джеймса рассматривал жизнеописание скорее как произведение искусства, чем просто собрание фактов. «От нас требуется биографическое воображение», — говорит он, уточняя, что работа воображения может разворачиваться исключительно в сфере формы: «Изобретать факты нам не позволено». Иначе говоря, биограф должен обладать талантом сюжетосложения. Еще один основополагающий тезис Эделя (и с ним трудно спорить) заключается в том, что искусство биографа создается умением найти связующее звено между талантом и его свершениями: без этого сцепления весь материал превращается в набор случайных событий и сплетен. «Присутствие биографа должно быть осязаемо: он отвечает за трактовку материала, его композиционное расположение, объяснение и анализ двусмысленностей и странностей [...] Слишком долго биографы игнорировали психологию и эмоциональную сферу»¹⁷.

Отличие биографа от романиста для Эделя состоит в степени осведомленности: «Биография должна объяснять и анализировать известное [...] Биографу часто приходится говорить о том, чего он просто не знает — он никогда не сможет восполнить биографические лакуны. Есть столько вещей, которые никогда не могут быть прояснены, в то время как всеведение автора — вполне обычная вещь. В биографии всеведение невозможно»¹⁸. Сказанное в 1985 г., когда романов о Джеймсе еще не существовало, обретает особый смысл сегодня и позволяет сформулировать основной художественно-методологический парадокс всех недавних биографических романов о Джеймсе. Этот парадокс создается очевидным для всех читателей Джеймса зазором между позицией всеведения, занимаемой романистами по отношению к внутреннему миру писателя, — и важнейшим художественным принципом самого писателя, который в свое время положил столько сил, чтобы уйти от «авторского всеведения».

Искусство биографа — это не только умение отыскивать факты, но и умение задавать нужные вопросы. «Однажды я спросил себя, почему Джеймс назвал свое собрание сочинение Нью-йоркским. Это показалось мне странным: ведь издание выходило одновременно в Нью-Йорке и Лондоне. Но он не нарек издание, выходящее в Лондоне, “Лондонским”. Оно также осталось “Нью-йоркским”. Логично

17. Ibid.

18. Ibid.

было предположить, что Джеймс таким образом связывает свое первое собрание сочинений с городом, где он родился. Когда я получил доступ к архивам издательства „Scribner’s“, я нашел джеймсовскую записку, которая подтвердила мою гипотезу. “Если собрание сочинений должно быть как-то озаглавлено, я бы предпочел назвать его “Нью-Йоркским изданием”. По моему ощущению, такое название соотнесет все это предприятие с моим родным городом, которому у меня не было случая воздать достаточно почестей”¹⁹.

Л. Эдель был абсолютно уверен, что новое время нуждается в новых биографиях: «Как и люди, биографии стареют. Новым поколениям нужны новые версии былого на языке нового поколения. За последние тридцать лет разительно изменилось наше отношение к сексу — к физической стороне бытия мужчин и женщин [...] У нас появился новый феминизм. И у нас также появилась “новая биография”»²⁰. Как напишет в 2012 году Колм Тойбин, «за последние двадцать лет Джеймсу очень повезло с исследователями его творчества. Новейшие издания его писем и его автобиографической прозы, к примеру, открывают новые возможности для свежих толкований его наследия и источников его вдохновения. Кроме того, Линдал Гордон в книге „Частная жизнь“ (1999)²¹, исследующей взаимоотношения писателя с его кузиной Минни Темпл и его приятельницей Констанцией Фенимор Вулсон, открыла новые подходы к искусству джеймсовской биографии. В своем „Портрете романа“ Майкл Горра²² также дает образец того, как можно по-новому подойти к непростому и не теряющему увлекательности предмету»²³.

Однако, пальма первенства принадлежит двум другим ученым. В начале 1990-х, отчасти в связи со 150-летним юбилеем Джеймса, увидели свет две его новые биографии, в полной мере отразившие культурную ситуацию постмодернизма с ее отменой дихотомии массовой и элитарной культур, стиранием границы между художественной прозой и документально-критическим жанрами. Биография «Генри Джеймс: изображение гения» Фреда Каплана²⁴ становится выражением ключевых постмодернистских тенденций: постструктуралистской идеи о «смерти автора», отказа видеть в художнике сознательного творца смыслов.

19. Ibid.

20. Ibid.

21. Gordon L. *A Private Life of Henry James: Two Women and His Art*. L.: Vintage, 1999.

22. Gorra M. *Portrait of a Novel: Henry James and the Making of an American Masterpiece*. N.Y.-L.: Liveright Publishing Corporation, 2012.

23. Toibin C. „How To Make It in Europe“. *The Wall Street Journal*. 2012. August 24. Online at <http://www.wsj.com/articles/SB10000872396390444405804577560893567974700>

24. Kaplan F. *Henry James: The Imagination of Genius: A Biography*. L.-Sidney-Auckland: Hooper & Stoughton, 1992.

Свое повествование Каплан, как и Эдель, основывает преимущественно на переписке Джеймса, в большой своей части ранее не публиковавшейся и касающейся самых тривиальных и будничных сторон его жизни. К началу 1990-х в обиход джеймсоведения вошел целый пласт ранее неизвестных архивных материалов (около 12 тысячи писем). Личность художника становится у Ф. Каплана производным от созданных им нарративов, причем нарративов «маргинальных», которые призваны стереть в сознании читателя привычные бинарности существенного и несущественного, искусства и ремесла, размыть очевидность сексуальной самоидентификации. Определяющим элементом творческого процесса становятся взаимоотношения Джеймса с массовым читателем, цифры его гонораров. Отказ от семейной жизни рассматривается в контексте его писем, которые интерпретируются как выражение гомоэротических эмоций.

Образ Джеймса, встающий со страниц биографии Каплана, заметно тривиализован. Между тем, подзаголовок книги «Воображение гения» выделяет родовую черту художника, суть его «инаковости». Предсмертное помутнение рассудка у Джеймса рассматривается как уход в последний из созданных его воображением миров, «наиболее свободный от условностей и ограничений»²⁵. Здесь творческое воображение отчетливо коррелирует с маргинальными состояниями психики, ощущается идущий от М. Фуко интерес к «другому» в человеке, выводящему его за рамки нормы.

Вторую биографию «Генри Джеймс: юность мастера» написал Шелдон Новик. Свою позицию он определяет так: «... немного извне и над Джеймсом»; при этом особенности восприятия художника используются в качестве «светильника», подобно тому, как сам писатель прибегал к освещению событий с точки зрения своих персонажей²⁶. По сути, этот новый для джеймсоведения тип биографии претендует на то, чтобы казаться ближе всех предшествующих версий к *автобиографии* (жизнь художника предстает такой, как ее ощущал сам Джеймс), но при этом биограф пытается в меру сил восполнить пробелы в автобиографическом портрете. «Я исходил из того, что Генри Джеймс прожил самую обыкновенную человеческую жизнь: постепенно освобождался от влияния семьи, влюблялся не в тех, и его первые сексуальные отношения были эмоционально насыщенными, но не очень счастливыми»²⁷. По словам Ш. Новика, Джеймс любил молодых людей.

25. Ibid., p.563.

26. Novick Sh. M. *Henry James: The Young Master*. N.Y.: Random House, 1996, p. xii.

27. Ibid.

Заявленная близость биографического метода Ш. Новика творческим принципам самого писателя оправдывает использование воображения в качестве одного из инструментов реконструкции внутреннего мира Джеймса. Это дает право биографу предложить собственную интерпретацию хорошо известных и многократно откомментированных эпизодов биографии писателя. Видимо, ощущая эпатажность предложенного им толкования материала, биограф, по сути дела, убирает его в сноски. В первую очередь это относится к новой трактовке отношений молодого Джеймса с Оливером Уэнделлом Холмсом. Будущий знаменитый юрист оказывается человеком, с которым связано первое яркое сексуальное впечатление Джеймса²⁸. Опора на воспоминания как самую главную и достоверную реальность оправдывает такой композиционный ход биографа, как ретроспекция: все описываемое подается как воспоминания стареющего писателя, которые он диктует своему секретарю. Особый драматизм биографическому повествованию придает подводное течение тайных, тщательно скрываемых художником страстей, которые биограф вычитывает между строк его писем и воспоминаний. В вышедшей через десять лет второй части биографии Ш. Новик свой главный вклад в изучение жизни Джеймса связывает с тем, что он посмотрел на Джеймса не как на пассивного наблюдателя жизни, а как на «активного, вовлеченного в жизненные перипетии человека, страстного и энергичного, для которого взаимоотношения были основой жизни и главным предметом искусства»²⁹.

В подобном же ревизионистском русле работает и Линдалл Гордон. В 1998 году она выпустила книгу, посвященную роли двух женщин в жизни писателя. Она, в частности, пишет, что ее представление о Джеймсе идет вразрез с привычными стереотипами: для нее Джеймс не завсегдатай светских приемов, не эстет, не отвлеченный наблюдатель, не англоизированный экспатриант. «Вместо этого перед нами сомневающийся человек, в вечных поисках себя, так и не завершившихся до самого конца жизни [...] Этот Джеймс не пассивен, он хорошо знает, чего хочет, даже безжалостен в своем знании, он гораздо неоднозначнее, чем принято думать»³⁰. В своей книге Л. Гордон демонстрирует умение подчинить научный нарратив законам беллетристического повествования: чего стоит зачин книги, описывающий предпринятое Джеймсом в 1894 г., после самоубийства Вулсон, затопление ее плать-

28. Ibid., pp.109–110, 471.

29. Novick Sh. M. *Henry James: The Mature Master*. N.Y.: Random House, 2007, p. x.

30. Gordon L. „A Private Life of Henry James: Two Women and His Art [extract]“. *The New York Times on the Web*. Online at <https://www.nytimes.com/books/first/g/gordon-james.html>.

ев в водах Венецианской лагуны. Завораживающий неоднозначностью этических интерпретаций, этот эпизод ведет к цепочке других интригующих вопросов: «Джеймс был человеком с глубоко потаенной внутренней жизнью [...]. Почему он изъял свою фотографию Минни Темпл? Почему при том, что десять с половиной тысяч его писем сохранились для потомков, он заключил особый пакт с Фенимор, чтобы она уничтожила всю их переписку? Ничего подобного такому пакту не существует. И почему в апреле 1894 года, когда Фенимор умерла, он бросился в Венецию, чтобы обеспечить должный покров секретности их отношениям? [...] И мы можем только гадать, почему Джеймс, будучи уже пожилым человеком, через сорок четыре года после смерти Мэри Темпл, уничтожил пачку ее писем — философских писем, свидетельствующих о силе духа перед лицом приближающейся кончины — используя необходимые фрагменты в своих мемуарах»³¹.

Позиция Л. Гордон, несомненно, отмечена особым вниманием к становлению нового женского самосознания, к поиску современницами Джеймса особых форм самореализации — личной и профессиональной. И Мэри (Минни) Темпл (как считается, прототип Дэзи Миллер, Изабель Арчер и Милли Тил), и Констанс Фенимор Вулсон, пользовавшаяся широкой литературной популярностью, подаются в книге как воплощение незаурядного для своего времени стремления женщин к свободе, к преодолению гендерных границ, предначертанных обществом. Роль обеих определяется, не много не мало, как «формирование сознания» писателя (“shaping consciousness of Henry James”).

Еще одним смысловым вектором книги становится всегда бесприкрытое развенчание мифов. В данном случае деконструированию подвергается романтический миф о художнике, творящем в разреженной атмосфере одиночества и черпающем силы внутри себя. «Кажется, только Мэри Темпл и Констанс Фенимор Вулсон смогли преодолеть тщательно охраняемые границы приватности Джеймса. Что они дали ему остается загадкой. Речь идет не о том, что Генри Джеймс скрывал некие сердечные привязанности — он уничтожал все следы призрачных источников вдохновения (ghost companions of his art)»³², — считает Л. Гордон, применяя к творческо-биографическим обстоятельствам Джеймса инструментарий феминистской критики.

Итак, биографии Ф.Каплана и Ш. Новика легитимизировали еще один потенциальный источник, богатый беллетристическими возмож-

31. Ibid.

32. Ibid.

ностями для будущих романистов-биографов в пору успешной борьбы ЛГБТ-сообщества за равноправие — возможную неоднозначность сексуальной ориентации Генри Джеймса. Главная демифологизирующая интрига биографии Л. Гордон состояла в том, что генезис творчества художника, жизнь которого была лишена семейных и любовных коллизий, рассматривался в ней в свете формирующего влияния на Джеймса двух его приятельниц. По словам рецензента, книга Гордон нанесла существенный урон «тщательно отредактированной и отлакированной версии самого себя, которую Джеймс стремился оставить потомкам»³³.

Среди недавних биографий Джеймса можно отметить также популяризаторскую и богато иллюстрированную книжку Мэри Энн Коз³⁴, во многом способствующую визуализации и апроприации массовым сознанием хорошо известных персонажей жизненных перипетий Генри Джеймса. Несомненно: неиссякающий источник документальных биографий подготовил почву для беллетризованных версий его жизни.

Третий фактор, окружающий фигуру Джеймса ореолом особой привлекательности для романистов, стал ее неоднозначный статус, который вполне может быть определен как автомиф, на основе которого впоследствии сложился культ³⁵. Одним из ранних симптомов оформления литературного мифа стала вышедшая в 1948 году книга Саймона Ноуэлл-Смита «Легенда Мастера»³⁶, где были собраны воспоминания о Генри Джеймсе. Само название сборника свидетельствовало о том, что писатель продолжал жить не только на страницах своих произведений, но и в качестве литературного мифа. Генри Джеймс в этой книге предстает не как художник-творец, но как участник англо-американского литературного и околотитулярного быта. Чтение воспоминаний о Джеймсе приводит нас к выводу, что сам художник, вся жизнь которого была подчинена служению литературе и им же и ограничивалась, моделировал собственное существование, быть может, отчасти бессознательно, по законам художественной прозы, занимался жизнетворчеством, стилизацией собственной жизни под искусство. Зафиксированные в мемуарах высказывания Генри Джеймса, которые не имеют никакого отношения к литературе, подчас граничат с автопародией. В обыденной жизни Генри Джеймс словно обыгрывает

33. Allen B. „Borrowed Lives“. *The New York Times*. 1999. May 16. Online at <https://www.nytimes.com/books/99/05/16/reviews/990516.16allent.html>.

34. Caws M. A. *Henry James*. N.Y.-Woodstock-London: Overlook Press, Peter Mayer Publishers Inc., 2006.

35. См.: Анциферова О.Ю. Культ Генри Джеймса: истоки и трансформации // Вопросы литературы. 2012. № 3. С. 378–416.

36. Nowell-Smith S. *The Legend of the Master*. L.: Constable, 1947.

собственную литературную репутацию художника слова, мучительно старающегося ухватить все оттенки и нюансы человеческого сознания.

Джеймс, как и другие его современники, стал свидетелем появления телеграфа. Хорошо известно, что телеграммы Марселя Пруста мало отличались по объему от писем. По другому «работал» в этом бытовом жанре Джеймс. Сохранился, к примеру, текст телеграммы, отправленной Джеймсом сестре Элис 4 января 1891 г. по поводу успеха театральной постановки романа «Американец» в Саутпорте: «Unqualified triumphant magnificent success universal congratulations great ovation for author great future for play Comptons radiant and his acting admirable writing Henry»³⁷. Налицо очевидное несоответствие многочисленных эпитетов общепринятой лапидарности телеграфного стиля, порождающее несколько комический эффект и потому цитируемое современниками в качестве бытового анекдота.

Как замечает составитель более позднего сборника мемуарной прозы о Джеймсе Норман Пейдж, у писателя не было своего Босуэлла, но зато была очень обширная сеть знакомых, приятелей, друзей, которые зафиксировали его поступки, а чаще — слова в своих письмах и дневниках. Вероятно, неслучайно подавляющая часть ярких воспоминаний о нем относится к поздним годам его жизни, когда сформировался определенный художнический имидж, когда имя Генри Джеймса уже было окружено ореолом устойчивых ассоциаций. Это произошло не раньше второй половины 1890-х годов, и своеобразную визуальную аналогию этому процессу внутренней самоидентификации находит иллюстратор и драматург В. Грэхем Робертсон: «В 1890-х годах [Генри Джеймс] был еще внешне замечательно непримечательным (remarkably unremarkable) человеком; его лицо могло принадлежать кому угодно; он словно бы оглядывался вокруг в поисках подходящей физиономии, но по вкусу ничего найти не удавалось, и он довольствовался, так сказать, “ширпотребом”, готовой одеждой, пока не появится возможность заказать что-нибудь подходящее специально и исключительно для него. Это особенное и только ему принадлежащее лицо появилось у Генри Джеймса, только когда он стал уже достаточно пожилым человеком, словно бы большую часть своей жизни он расхаживал в чьем-то чужом обличье»³⁸.

Несколько ироническое наблюдение В. Г. Робертсона, думается, страдает известным упрощением. Конечно, речь вовсе не обязательно должна идти о найденной писателем, в конце концов, выразительной

37. Qtd. in: Seymour M. *A Ring of Conspirators. Henry James and his Literary Circle. 1895—1915*. Boston, MA: Houghton Mifflin, 1989, p.75.

38. Page N. „Introduction“. *Henry James: Interviews and Recollections*. Ed. by N. Page. L.: McMillan, 1984, p.14.

«маске», достаточно адекватно соответствующей его внутренней сущности. Скорее, в подмеченном художником изменении можно видеть внешний знак обретения биографии. К этому случаю вполне применимо наблюдение Ю. М. Лотмана о том, что биография во второй половине XIX века «становится понятием более сложным, чем сознательно выбранная маска. Она подразумевает наличие внутренней истории. А поскольку история осознается в этот период как движение от бессознательности к сознательности, то биография — акт постепенного самовоспитания, направленного на интеллектуальное и духовное просветление»³⁹.

Сам факт полного подчинения собственной жизни литературному призванию стал одной из важных предпосылок превращения биографии Джеймса в своего рода *агиографию*. Служение искусству, обойденное вниманием широкой публики, в сочетании с полной творческой самоотдачей, сделало Генри Джеймса культовой фигурой для кружка преданных поклонников, который начал формироваться уже с середины 1880-х годов. В него, среди прочих, входили француз Поль Бурже, а также целый ряд начинающих британских писателей, которым суждено будет занять заметное место в истории англоязычной литературы — Джозеф Конрад, Герберт Уэллс, Форд Мэддокс Форд, Стивен Крейн. «Эта крайне разнородная и весьма разбросанная группа постепенно составила своего рода альтернативную читательскую аудиторию, поддерживавшую Джеймса в критические моменты его карьеры»⁴⁰.

С одним из членов этого кружка, впоследствии прославленным писателем Гербертом Уэллсом, связано одно из самых болезненных событий, сделавшее Джеймса героем громкого литературного скандала. Это была ссора с Гербертом Уэллсом, стремительно перешедшего из числа учеников Джеймса в ряды его ярых критиков. Собственно, сатирически-эзотерическую книгу «Бун» (1915) Уэллса, которую сам он определил как «conversational novel», можно считать первым письменным источником легенды о Мастере. Уязвленный критическими замечаниями Джеймса в статье «Молодое поколение» (выпущенной впоследствии под заголовком «Новый роман»)⁴¹, Г. Уэллс в «Буне» беспощадно высмеивает художественную манеру и эстетические взгляды Джеймса. Он видит в бывшем наставнике «апогей поверхностности», сравнивая

39. Лотман Ю.М. Литературная биография в историко-культурном контексте (К типологическому соотношению текста и личности автора) // Лотман Ю. М. Избранные статьи: в 3 т. Т.1. Таллин: Александра, 1992. С.372.

40. Margolis A. *Henry James and the Problem of Audience. An International Act.* Ann Arbor, MI: UMI Research Press, 1985, p. 62.

41. James H. „The New Novel (1914)“. In James H. *Essays on Literature*, pp.124–160.

его с «водоблошкой, размером со слона»⁴² с «левиафаном, собирающим гальку» и с «великолепным, но безумным гиппопотамом, который любой ценой, даже рискуя утратить свое величие, вознамерился достать горошину, закатившуюся в дальний угол его логова»⁴³. Содержание романов Джеймса Уэллс уподобляет ярко освещенному храму, «в котором нет верующих [...] и в котором все линии и лучи сходятся на возвышенном алтаре. А на алтаре с должным пиететом размещены мертвый котенок, яичная скорлупа и кусок бечевки [...]»⁴⁴.

В своем «Опыте автобиографии», по прошествии лет, когда яростная литературная полемика стала фактом прошлого, Герберт Уэллс так объяснял причину своего разрыва с Джеймсом и кругом его последователей: «Из всех, кого я когда-либо встречал, [Генри Джеймс] был наиболее утонченным и артистичным человеком, сознательно культивировавшим в себе эти качества [...] Все эти разговоры, которые вели мы с Конрадом, Хьюффером (Ф. Мэдокс Фордом— О.А.) и Джеймсом о точном слове, о совершенном словесном выражении, о том, что это или иное было “написано” или не написано, безмерно напрягали меня, повергали в состояние бесконечных вопрошаний, адресованных самому себе, погружали в постоянные самокопания, отгораживающие меня от внешнего мира [...] В конце концов я окончательно восстал и отказался играть в эти игры»⁴⁵.

Хочется вспомнить здесь этот хорошо известный факт литературной ссоры, чтобы еще раз засвидетельствовать, что лишенная, на первый взгляд, внешнего драматизма жизнь Генри Джеймса была наполнена подспудным напряжением, связанным в первую очередь, с беззаветным служением профессии и только во вторую — с гипотетическими реконструируемыми потаенными страстями и привязанностями, открывающими широкие возможности толкования для биографов постмодернистской эпохи.

Очевидно, что попытка создать беллетризованную биографию такого художника представляет для любого литератора особый вызов. Неслучайно, маститый Дэвид Лодж отмечал, что книга «Автора!» открыла для него совершенно новый писательский опыт: «Вместо создания воображаемого мира, которого никогда не существовало, я пытался нащупать в многочисленных фактах жизни Генри Джеймса историю, пригодную

42. Wells H. Boon. *The Mind of the Race, The Wild Asses of the Devil, and The Last Trump*. N.p.: EriK Publications, 2015, p. 49.

43. *Ibid.*, p.51.

44. *Ibid.*

45. Цит. по: Seymour M. A *Ring of Conspirators*, p.73.

для романа [...] Изначально ее кульминацией должен быть провал “Ги Домвиля” и одновременный триумф “Трильби” Дюморье»⁴⁶. В качестве еще одного «романного» элемента биографии Генри Джеймса Лодж использует историю его взаимоотношений с Констанс Фенимор Вулсон. В итоге, беллетризованная биография Генри Джеймса, написанная Лоджем в начале XXI века, фокусируется на 1880-1890-х годах — наиболее драматическом периоде жизни и творчества Генри Джеймса.

Ретроспективно построенный роман «Автора!» начинается с описания последних дней Генри Джеймса. Характерным образом, Джеймс-герой романа Лоджа, говорит языком своих произведений и экстраполирует на себя судьбы своих героев, что вполне можно рассматривать как постмодернистское смешение литературно-книжной и жизненно-биографической реальностей. Прав, однако, автор двухтомной научной биографии Ф. М. Форда Макс Сондерс, напоминая, что проникновение (авто)биографического материала в романый жанр вряд ли связано исключительно с постмодернизмом или даже с модернизмом. Как известно, сам Джеймс основывал образы многих своих героев на реальных жизненных прототипах: к примеру, в романе «Послы» образ Лэмберта Стрезера списан с Уильяма Дина Хуэллса, а его друга Уэймарша — с Генри Адамса⁴⁷. Но в случае с книгой «Автора!» мы имеем дело несколько с другим.

В 2006 г. Д. Лодж написал пространное эссе под названием «Год Генри Джеймса: история романа», где он не без юмора описывает ситуацию, когда практически в одно время, с 2002 по 2004 гг., были написаны четыре биографических романа о Джеймсе (его самого, К. Тойбина, Э. Теннант и М. Хейнса, не говоря уж об А. Холлингхерсте). Собственную книгу Дэвид Лодж называет «биографический роман» и говорит о «гибридности формы»⁴⁸. В сущности, его книга вбирает в себя элементы биографии, литературного теоретизирования и художественного вымысла, служащего иллюстрацией к теоретическим выкладкам. Начнем с того, что Лодж достаточно точно и полно воспроизводит теоретические соображения Джеймса о технике «точки зрения». Дойдя до одного из кульминационных моментов биографии писателя — провала пьесы «Ги Домвиль», Лодж изменяет нарративную структуру, отказываясь от монологического повествования, построенного на принципе «центрального сознания», и прибегает к чередованию точек зрения. При этом Лодж

46. Lodge D. *The Author's Curse*.

47. Saunders M. „Master Narratives“. *The Cambridge Quarterly*. Special Issue. Henry James in the Modern World. 2008. V. 37. №.1, p. 125.

48. Lodge D. *The Year of Henry James: The Story of a Novel*. L.: Penguin Books, 2006, p. 31.

создаёт наглядный образец литературной саморефлексии, сознательно обнажая приём: «... в то время, как его [Генри Джеймса] история, с ее чрезмерно ограниченной точкой зрения, развивалась своим чередом, параллельно разворачивались другие истории, происходила игра других точек зрения — в то же самое время, так сказать, в квадратных скобках»⁴⁹. Начинающаяся таким образом вторая глава третьей части состоит из пассажей, написанных с точки зрения Джеймса, чередующихся с пассажами, заключенными в квадратные скобки и воспроизводящими впечатления и размышления актера Джорджа Александера, Герберта Уэллса, Бернарда Шоу и др. В финале Лодж подобным же образом графически играет с формой *Ich-Erzählung*, чередуя абзацы прямой печати и курсива. Я повествователя в последнем из выделенных курсивом абзацев оказывается субститутом самого Лоджа — и, фантастическим образом, автор и герой биографического произведения сливаются воедино в заключительном повествовательном жесте—комментарии к цитате из эссе Генри Джеймса «Есть ли жизнь после смерти?»:

«Любопытные, в некотором роде неожиданные соображения — и они навевают другое, более приятное видение...: дух Генри Джеймса, обитающий где-то в космосе, знающий все, что, как мне хотелось бы, чтобы он знал при жизни; наблюдает с понятным удовлетворением, как ширится его посмертная слава, подсчитывает суммы продаж; читает многочисленные статьи, посвященные самому себе; смотрит на каком-нибудь небесном видеоплейере или ноутбуке многочисленные фильмы и сериалы и прислушивается к нашим бесконечным разговорам о нем и его произведениях, которые, пройдя через волны эфира, начинают звучать как продолжительные овации.

Генри, где бы ты ни был, — прими наши аплодисменты»⁵⁰.

Собравший блестящие отзывы роман Колма Тойбина «Мастер» стал, возможно, самой увлекательным и психологически достоверным беллетризованным жизнеописанием Джеймса. Как и Лодж, Тойбин начинает повествование с 1895 г, с провала «Ги Домвиля» и охватывает четыре года, заканчивая визитом Уильяма Джеймса с женой и дочерью в Рай в 1899 г. Повествование включает отсылки к более ранним впечатлениям и эпизодам, дополняющим и проясняющим описываемые события. Один из секретов успеха этой книги у критики и широкого читателя, на мой взгляд, заключается в том, что впервые Джеймс становится героем книги, написанной без реверансов, сделанных его теории прозы и

49. Lodge D. *Author, Author*. L.: Penguin Books, 2004, p. 231.

50. *Ibid.*, p. 382.

практически без оглядки на его усложненную поэтику. В духе Джеймса, ограничивая мир своей книги сознанием центрального персонажа, Тойбин значительно упрощает его манеру самовыражения. В то же время, Тойбин мастерски создает некие вымышленные ситуации, само настроение которых наводит читателя на мысль о еще не написанных (на тот момент) произведениях Джеймса, даруя, таким образом, возможность испытать радостный эвристический трепет от хорошо опознаваемых мотивов и ассоциаций. Принцип отбора материала, естественным образом, подчинен кругу интересов самого Тойбина, писателя ирландского происхождения, открытого гая. Это, во-первых, не явная, но хорошо ощутимая склонность Джеймса к лицам своего пола — художественно реконструируется реакция Джеймса на процесс Оскара Уайльда; описывается поездка американского писателя в Италию и его влюбленность в молодого скульптора Хендрика Андерсена. Во-вторых, это внимание к «ирландскому вопросу»: в романе подробно воссоздается визит Джеймса в Ирландию в феврале 1895 г., что дает Тойбину возможность создать краткий очерк британской колониальной политики, сатирически изобразив представителей британских властей, а Джеймса представить как своеобразную жертву английского снобизма, когда один из гостей напоминает ему о скоромном ирландском происхождении его предков. Психологически тонко и с достаточным чувством такта реконструируются особенности семейных отношений Джеймсов и неординарные особенности их психической организации. Тойбину удается убедительно связать генезис произведений писателя с его жизненными обстоятельствами, описанными без смакования интимных подробностей, но и без «хрестоматийного глянца». По глубине проникновения во внутренний мир персонажей и непредвзятому анализу их взаимоотношений книга Тойбина напоминает прозу самого Джеймса, с поправкой на упрощенный синтаксис и отсутствие сложных ассоциативных связей.

Обилие жизнеописаний Джеймса, как представляется, привело на настоящий момент к двум важным и вполне закономерным последствиям. С одной стороны — это появление откровенной пародии. Речь идет о травестийной биографии Ричарда Либмана-Смита «Ребята Джеймс: Новый рассказ о четырех отчаянных братьях» (2008). Дебютная книга известного редактора и журналиста написана как юмористическая модификация жанра «альтернативной истории». Автор дерзновенно объединяет родственными узами четырех современников — двух знаменитых интеллектуалов Генри и Уильяма Джеймсов с не менее знаменитыми в свое время грабителями братьями Фрэнком и Джесси Джеймсами — и

делает Генри Джеймса соучастником знаменитого банковского ограбления 1876 г. в Миннесоте, комически обыгрывая явное несоответствие неторопливой манеры Джеймса предлагаемым обстоятельствам. Причудливо-фантастическая коллизия, по признанию автора, восходит к его студенческим годам в Стэнфорде, к шутливой реплике профессора Отиса Пиза, читавшего курс американской литературы XIX века: «Вся история Америки XIX века может быть сведена к истории братьев Джеймс: Уильяма с Генри — на Востоке и Фрэнка с Джесси на Западе»⁵¹.

Еще одним симптомом современной ситуации с жизнеописаниями Джеймса может считаться резкое усиление демифологизирующих тенденций, которые теперь коснулись не только трактовки отдельных эпизодов биографии писателя и роли в его жизни отдельных персонажей, но самого процесса сотворения биографии. В марте 2016 года Энн Бойд Риу, профессор Нью-Орлеанского университета и биограф Констанс Фенимор Уилсон, заявила о разоблачении пяти вновь и вновь напоминающих о себе мифов о взаимоотношениях Вулсон и Джеймса. Профессор объявляет несостоятельными следующие стереотипы: (1) Вулсон была второразрядной писательницей, задавленной величием Мастера; (2) она была безответно влюблена в Джеймса; (3) она была одной из многих поклонниц Джеймса, чье восхищение он снисходительно принимал; (4) Джеймс вынудил ее уничтожить его письма; (5) Джеймс безо всякой на то причины уничтожил ее письма и затопил ее черные платья в водах Венецианской лагуны. Риу указывает, что все существующие до сих пор биографии двух писателей противоречат друг другу, т.к., во-первых, в них одна из фигур с неизбежностью заслоняет другую, а во-вторых, стремление к беллетризации материала часто идет вразрез с этикой литературной биографии⁵².

Тот же процесс развенчания мифов мощно заявляет о себе в книге Майкла Анеско «Монополизация Мастера. Генри Джеймс и политика современных литературоведческих исследований»⁵³. По мнению ученого, мифологическим глянцем на сегодня оказалась покрыта не только жизнь Джеймса, но и сам процесс создания его биографий. Центральным «культурным героем» этого мифа (чью роль необходимо пересмотреть) Анеско считает Леона Эделя, который через переговоры с наслед-

51. Цит по: „What if the James Boys met?“ *National Public Radio*. [Richard Liebman-Smith interviewed by Guy Raz]. 2008. June 22. Online at <http://www.npr.org/templates/story/story.php?storyId=91784893>

52. Rioux A.B. „5 Flickering Myths about Henry James and Constance Fenimore Woolson“. *Signature*. 2016. March 2. Online at <http://www.signature-reads.com/2016/03/5-flickering-myths-about-henry-james-and-constance-fenimore-woolson/>.

53. Anesco M. *Monopolizing the Master: Henry James and the Politics of Modern Literary Scholarship*. Stanford (CA): Stanford UP, 2012.

никами Джеймса и хранителями архивных материалов в библиотеках более чем на двадцать лет обеспечил себе исключительный доступ к джеймсовским архивам. По мнению рецензента книги Джозефа Эпштейна, Анеско, сам того не желая, заставляет читателя усомниться в еще одном расхожем представлении: «Нынешние ученые, в том числе и мистер Анеско, много сил положили на разработку того, что я называю “гомосексуальный проект Генри Джеймса”[...] Исследователи настаивают на том, что Генри Джеймс был гомосексуалистом. Их не устраивает гораздо более убедительная версия, что Джеймс... был во всех своих поступках и взаимоотношениях асексуален. Настаивая на его гомосексуальности, литературоведение превращается в подобие сплетни — сплетни, которая преследует великого писателя и после его смерти»⁵⁴.

Может ли развенчание главного биографа положить конец сотворению биографии Джеймса? По логике вещей, это лишь добавит еще один «поворот винта». Однако, время покажет. На настоящий момент мы можем констатировать, что современная ситуация с жизнеописаниями Джеймса представляет собой сложный и разнонаправленный процесс мифотворчества и деконструкции мифов. И это явно отличает текущий момент от более ранней ситуации 1990—2000-х, когда вектор фикционализации и мифотворчества был определяющим.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

Анцыферова О.Ю. Культ Генри Джеймса: истоки и трансформации // Вопросы литературы. 2012. № 3. С. 378—416.

Antsyferova O. Yu. „Kul't Genri Dzheimsa: istoki i transformatsii“. *Voprosy literatury*. 2012. № 3, p. 378—416.

Анцыферова О.Ю. Новый эстетизм: странные отзвучья fin-de-siècle // Вопросы литературы. 2007. № 5. С. 73—90.

Antsyferova O.Yu. „Novyi estetizm: strannye otzvuch'ia fin-de-siècle“. *Voprosy literatury*. 2007. № 5. P. 73—90.

Косиков Г. К. Зарубежное литературоведение и теоретические проблемы науки о литературе // Зарубежная эстетика и теория литературы XIX—XX вв. Трактаты, статьи, эссе / Сост., общ. ред. Г. К. Косикова. М.: Изд-во Московского ун-та, 1987. С.5—38.

Kosikov G. K. „Zarubezhnoe literaturovedenie i teoreticheskie problemy nauki o literature“. *Zarubezhnaia estetika i teoriia literatury XIX—XX vv. Traktaty, stat'i, esse*. Ed. G. K. Kosikov. Moscow: Izd-vo Moskovskogo Universiteta, 1987. P.5-38.

54. Epstein J. „The Afterlife of the Lion“. *The Wall Street Journal*. 2012. January 14. Online at <http://www.wsj.com/articles/SB10001424052970204257504577150881748541906>.

Лотман Ю.М. Литературная биография в историко-культурном контексте (К типологическому соотношению текста и личности автора) // Лотман Ю. М. Избранные статьи: в 3 т. Т.1. Таллин: Александра, 1992. С.365-376.

Lotman Yu.M. „Literaturnaia biografiia v istoriko-kul'turnom kontekste (K tipologicheskomu sootnosheniiu teksta i lichnosti avtora)“. In Lotman Yu. M. *Izbrannye stat'i*: 3 vols. V.1. Tallinn: Aleksandra Publ., 1992. P.365-376.

Холиков А. А. Биография писателя как жанр. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009.

Kholikov A. A. *Biografiia pisatel'ia kak zhanr*. Moscow: Knizhnyi dom «LIBROKOM» Publ., 2009.

Allen B. „Borrowed Lives“. *The New York Times on the Web*. May 16, 1999. Online at <https://www.nytimes.com/books/99/05/16/reviews/990516.16allent.html>.

Caws M.A. *Henry James*. N.Y.-Woodstock-L.: Overlook Press; Peter Mayer Publishers Inc., 2006.

Edel L. “The Art of Biography №1. Interviewed by Jeanne McCullough”. *The Paris Review*. Winter 1985. № 98. Online at <http://www.theparisreview.org/interviews/2844/the-art-of-biography-no-1-leon-edel>.

Edel L. *Henry James: A Biography*: in 5 V. Philadelphia (PA): J.B. Lippincott, 1953.

Gordon L. *A Private Life of Henry James: Two Women and His Art*. L.: Vintage, 1999.

Gorra M. *Portrait of a Novel: Henry James and the Making of an American Masterpiece*. N.Y.- L.: Liveright Publishing Corporation, 2012.

Hollinghurst A. *The Line of Beauty*. L.: Picador, 2004.

Henry James in Context. Ed. by D. McWhirter. Cambridge: Cambridge UP, 2010.

Henry James: Letters. Ed. L. Edel: in 4 vols. Cambridge, MA-L.: Harvard UP; Belknap Press, 1984.

Heyns M. *The Typewriter's Tale: A Novel*. Jeppestown: Jonathan Ball Publishers, 2005.

James H. *Literary Criticism. Essays on Literature. American Writers. English Writers*. Library of America Series. N.Y.: The Literary Classics of the United States, 1984.

Kaplan F. *Henry James: The Imagination of Genius: A Biography*. L.-Sidney-Auckland: Hooper & Stoughton, 1992.

Liebmann-Smith R. *The James Boys: A Novel Account of Four Desperate Brothers*. N.Y.: Random House, 2008

Lodge D. *Author, Author*. L.: Penguin Books, 2004.

Lodge D. “The Author's Curse”. *The Guardian*. 20 May, 2006. Online at <http://www.guardian.co.uk/books/2006/may/20/featuresreviews.guardianreview2>

Lodge D. *The Year of Henry James: The Story of a Novel*. L.: Penguin Books, 2007.

Margolis A. *Henry James and the Problem of Audience. An International Act*. Ann Arbor, MI: UMI Research Press, 1985.

Novick Sh.M. *Henry James: The Mature Master*. N.Y.: Random House, 2007.

Novick Sh.M. *Henry James: The Young Master*. N.Y.: Random House, 1996.

Nowell-Smith S. *The Legend of the Master*. L.: Constable, 1947.

Page N. “Introduction”. *Henry James: Interviews and Recollections*. Ed. by N. Page. L.: McMillan, 1984.

Riou A.B. “5 Flickering Myths about Henry James and Constance Fenimore Woolson”. *Signature*. March 2, 2016. Online at <http://www.signature-reads.com/2016/03/5-flickering-myths-about-henry-james-and-constance-fenimore-woolson/>.

Saunders M. “Master Narratives”. *The Cambridge Quarterly*. Special Issue. Henry James in the Modern World. V. 37. №.1. 2008. P.121–131.

Seymour M. *A Ring of Conspirators. Henry James and his Literary Circle. 1895—1915*. Boston, MA: Houghton Mills, 1989.

Tennant E. Felony: *The Private History of “The Aspern Papers”*. L.: Jonathan Cape, 2002.

Toibin C. “How To Make It in Europe”. *The Wall Street Journal*. August 24, 2012. Online at <http://www.wsj.com/articles/SB10000872396390444405804577560893567974700>.

Toibin C. *The Master*. L.: Picador, 2004.

Wells H. Boon. *The Mind of the Race, The Wild Asses of the Devil, and The Last Trump*. N.p.: EriK Publications, 2015.

“What if the James Boys Met? Richard Liebman-Smith interviewed by Guy Raz”. *National Public Radio*. June 22, 2008. Online at <http://www.npr.org/templates/story/story.php?storyId=91784893>